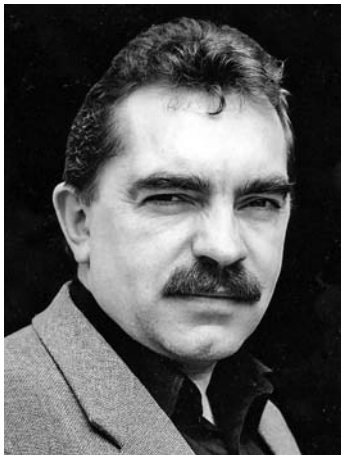

АЛЕСЬ БАДАК

ПОБЕГ НА КРАЙ ДОЖДЯ

РАССКАЗ

— Дождь, — задумчиво сказала жена, и это было первое слово за долгие минуты их молчания.

Он поднял голову, сонно поглядел в окно электрички, — действительно, по стеклу сбегали дрожащие пунктиры — и перевел взгляд на дочку. Она сидела напротив, забившись в угол, тихая, безразличная ко всему, со своей любимой Барби на коленях.

Он боялся этой ее тихости, но трогать дочку тоже не хотелось: может, она вспоминает что-то приятное?

— Если бы поехали автобусом, аккурат успели бы до дождя, — с сожалением сказала жена.

Конечно, это он предложил добираться до деревни электричкой, но иначе им пришлось бы проезжать мимо *того* места, о чем она знает не хуже его, однако же все равно не может смолчать. Такой уж она человек: если хочется выть волком, то плохо должно быть всему свету.

Он все поглядывал на дочку, его взгляд остановился на ее лбе — на рыжеватом тоненьком рубце с трещинками над левой бровью.

— Катя, будешь есть? — спросила жена.

Дочка pokrutila головой.

— Андрей, а ты?

БАДАК Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал в периодических литературных изданиях. Теперь — первый заместитель директора редакционно-издательского учреждения “Литература и искусство”, главный редактор журнала “Нёман”. Автор многих книг поэзии, прозы, активно работает в жанре детской литературы. Живет в Минске.

Его голова, следом за Катиной, в точности повторила те же движения.

— Как хотите, — вздохнула жена и спрятала бутерброды.

Через полчаса они стояли на маленькой пустынной станции, на которую напирал густой, мрачный лес. Дождь почти стих. Андрей в одну руку взял большую дорожную сумку, другую протянул дочке. От железной дороги до тещиной деревни вела прямая тропка. Она сначала пересекала шоссе, а после, скатившись с горки, сливалась с деревенской улицей.

Когда переходили шоссе, пропустив несколько машин, дочка крепко стиснула его пальцы, и ему показалось, будто ток пробежал по руке, по всему телу, до самого сердца, и оно, до этого неслышное, дернулось и вновь стихло.

Теща — состарившаяся женаина копия, которую он, словно факир, порой вызывал силой своего воображения, когда злился на жену, — как раз хозяйничала на маленьком дворике. Увидела гостей у калитки, радостно ойкнула, поставила ведро с водой и бросилась навстречу. Сперва обняла и поцеловала дочку, после зятя — но не поцеловала, а ткнулась ему в щеку вытянутыми сухими губами. Впрочем, он не сделал и этого. Затем она склонилась к внучке, и тут ее подбородок неожиданно сморщился и задрожал.

— А моя ж ты внучечка!

— Мама! — недовольно сказала жена. — Ей нельзя волноваться. Я же просила...

— Ага, ага! — женщина резко, будто испуганно, отшатнулась от девочки.

Жена помогла матери собрать на стол. Последней на столе появилась бутылка вермута, которую они привезли с собой.

— Катя, что будешь кушать? — спросила жена.

— Ничего. Я потом поем. А можно посмотреть телевизор?

— Посмотри, — вздохнула жена. — Но возьми хоть печенье.

Когда дочка вышла из кухни через двери, что вели в светлицу, теща приглушенным голосом попросила:

— Так что ж там у вас утворилось? Расскажите толком.

Он поднялся со стула.

— Куда ты? — спросила жена.

— Покурю.

Она никогда не говорила ему в глаза, что это он во всем виноват, она вообще говорила как бы про себя, но все равно получалось — и про него: “Если б я была дома, если б я не поехала к сестре, я б ее ни за что не пустила!”

“Пустила бы! — не раз хотелось крикнуть ему. — Они не только мои, они и твои друзья! И кто мог подумать, что такое случится!” Но он ни разу не крикнул, даже не пробовал оправдаться. Он понимал, в этих словах, которые она после того несчастья всегда повторяла, когда речь заходила о дочери, жена находит душевное успокоение. Если бы он стал перечить ей, то как бы нарушил их молчаливое соглашение, и тогда она могла бы уже, и правда, всю вину взвалить на него.

В конце концов, может, было бы и лучше, если б они выговорились, выкричались, чтобы все выгорело, выстыло в душе. А так боль не отпускала, а только тлела в ней — уже вторую неделю, и этому, казалось, не будет конца, как не будет конца дождю, который повсюду следовал за ними, словно стал неотъемлемой частью их теперешней жизни, и она не могла измениться, пока не кончится непогода.

Много раз он в мыслях возвращался в тот страшный день, незримо оказывался в новеньком вишневом “форде” Алика Ждановича, своего друга еще со школьной скамьи. Вот они тоже садятся в машину — Алик, его жена Марина и Катя. Катя на переднем сиденье, рядом с Аликом. Вот — на этот раз в один миг — они уже за городом.

— Жаль, что твой отец не поехал с нами, — говорит Алик. — Я покажу тебе место — только по большому секрету, — где рыбу можно ловить руками.

— Папа не мог поехать, у него сегодня важная встреча на киностудии, — напоминает Катя.

— В выходные дни, Катенька, надо отдыхать даже режиссерам, — учающе, хоть и не совсем серьезно, говорит Алик. — И вообще, что может быть важнее для настоящего художника, чем встреча с природой, а?

Он подмигивает Кате и привлекает скорость.

Проходит минута, другая, и вот оно, то роковое место. Из-за фуры, движущейся навстречу, выскакивает белый “фольксваген” и пересекает разделительную полосу. “Форд” резко сворачивает вправо. Катя кричит. Машина летит под откос, переворачивается и боком врезается в дерево...

Он видит — Боже, который раз и так отчетливо, словно в тот момент был вместе с ними, — он видит свою дочь, прижатую Аликом к сиденью; Алик навалился на нее, спасая от смерти; у нее широко раскрыты глаза, она глядит на Аликов окровавленный висок и не может закричать, от страха она даже не может открыть рот, а ее руки намертво вцепились в его майку, и она смотрит и смотрит, как по виску бежит красная ленточка крови, и не слышит ни Маринино крика, ни сирены “скорой помощи”...

Андрей бросил окурок на дорожку, и белую прядь дымка тут же прибило дождем.

Дождь шел и на второй день, и на третий. И даже когда стихал, словно для того, чтобы набраться сил, небо не прояснялось.

— А в деревне дождь совсем другой, чем в городе, — задумчиво сказал он. — Не такой однообразный и более живой.

— Боже, неужели он когда-нибудь кончится, — вздохнула жена. Для нее дождь всегда был просто дождем, обычной водой, которая приносит с собой холод и грязь. И так во всем, каждый день, уже семь лет, что они вместе. Как он вытерпел это, на что надеялся?

— На что ты надеешься? — спросил у него Алик еще до того, как они со Светой поженились. — Думаешь, золушка может превратиться в принцессу? Ты романтик, тебе надо снимать сказки, а не фильмы о войне. Ты всех женщин на свете хочешь сделать счастливыми и не понимаешь того, что чаще не хватает всей жизни, чтобы сделать счастливой хотя бы одну. Надо браться за то, что тебе под силу. И выбирать ту, которая, по крайней мере, не будет мешать тебе делать ее счастливой.

Алик остерегал его от того, чему перед этим сам поспособствовал, позволив однажды утром и пробасив в трубку:

— Старик, мне нужен твой антиквариат.

Антиквариат — на вид шикарное старинное кольцо — был бутафорским. Он хранил его как память о своем первом полнометражном фильме, в котором смешал все: и современность, и войну, и отступление Наполеона через Березину. Сюжет фильма строился вокруг наполеоновских сокровищ, среди которых — по фильму — было и это кольцо.

— Интересно, где встречаются женщины, способные носить украшение для принцесс?

— Представь себе, в ЦУМе. Когда она передо мной наклонилась над витриной, чтобы выбрать браслет для часов, я увидел такую натуру...

Алик был профессионалом — во всех красивых женщинах он видел прежде всего натуру для своих будущих картин.

— Надеюсь, тебе не долго пришлось ее уговаривать?

— Хм, после того, как я назвал ей сумму? Но у нее есть жених, и ей позволено позировать только в его присутствии.

Андрей пришел в мастерскую чуть позже, чем договаривались. Невысокий патлатый парень коршунном бросился ему навстречу, заслоня собой голую девушку, сидевшую в кресле, как королева на троне, но его взгляд успел скользнуть по ослепительной белизне ее тела, на мгновение задержался на лице, природная красота которого хорошо дополнялась выражением извечной женской загадочности, одинаково притягательной и в такой вот девочке, и в сорокалетней женщине.

Алик взял у него кольцо и, подмигнув, протянул ключи от своей квартиры, которая была в том же доме, что и мастерская.

— Подождешь?

Прежде чем зайти в квартиру приятеля, Андрей купил в ближайшем га-

строноме две бутылки шампанского, апельсины, бананы, затем прикинул и попросил добавить еще одну водки...

— На что ты надеешься? — спросил Алик месяца через два, после того, как Андрей сказал, что у них со Светой, кажется, все всерьез.

— Ты ж увидел в ней принцессу, когда писал ее портрет, — задумчиво произнес Андрей.

— Всегда реален только человек, а не его тень. А художники часто рисуют тени.

— Если искусство является отражением заведомо недостижимого в реальной жизни, то чего стоит такое искусство?

Было утро — сырое и тусклое от туч, тяжелых, готовых вот-вот обрушиться на землю. Трава в огорожке, когда на нее ступала нога, отрясала с себя столько дождевых капель, что казалось, будто идешь по воде. Андрей долго не мог насобирать дочке хоть горстку клубники — попадались то рыжевато-зеленые, то загнившие.

И вдруг — от неожиданности он аж отшатнулся: среди зеленой листвы на траве лежал мокрый птенец и поглядывал на него испуганными черными глазенками.

— Света! — позвал Андрей и осмотрелся. Только теперь он заметил, что над ним тревожно, с криком носятся две ласточки. В застрехе от их гнезда остались маленькие комочки земли, полукругом, как бусы в несколько рядов, прилепленные к стене.

— Что такое? — спросила жена.

— Гляди.

Он раздвинул листву.

— Беденький, — жалостливо промолвила жена, склонившись над птенчиком.

— Может, он тут не один? Ласточки обычно выводят по четыре-пять птенцов.

Они начали искать, однако напрасно.

— Наверно, их съел кот. — В голосе жены ощущалось сожаление.

— Наш? — машинально и не к месту спросил он.

— Спроси у него, — ядовито сказала жена. — Пойду позову Катю.

— Только не говори ей про остальных.

Впервые после аварии дочка засмеялась. Нет, это был даже не смех — она улыбалась лишь уголками губ, но ее глаза! В них появилось радостное удивление, и это было так неожиданно и хорошо, и казалось таким правильным, что им, взрослым, тоже захотелось поглядеть на мир наивно-восторженными глазами. И маленький птенчик, напуганный, озябший, вдруг на минуту превратился в обычную игрушку. Но только на минуту, потому что потом дочка спросила:

— А он тут живет?

Андрей посмотрел на жену и, прежде чем ответить, выдержал долгую паузу.

— Нет, в гнезде.

— А где его гнездо?

— Оно было вон там, под стрехой, но упало на землю и разбилось.

— Разбилось? А где теперь птенчик будет жить?

Жить! Как у нее все просто!

— А может, перенести его на открытое место? — неуверенно предложила жена. — Может, ласточки станут кормить его тут?

Андрей помотал головой:

— Наверяд ли. Ты часто видела ласточек на земле? А кошки? Не успеем мы выйти из огорожка, как они его уже унюхают.

— А давайте заберем птенчика домой! — воскликнула Катя.

— И как мы его будем кормить? Он же еще совсем маленький.

— А давайте попробуем! Давайте попробуем!

Через несколько минут жена принесла неживую муху, потыкала ею в клюв птенчика, но тот, казалось, только крепче сжал его.

— Не хочет признавать в тебе свою маму, — усмехнулся он.
— На, попробуй сам. Только ты больше на орла похож, чем на ласточку.

Это она про его нос.

Он, словно в шутку, затряс перед птенцом руками, и произошло невероятное: птенец широко раскрыл клювик, он ждал, нет, он требовал угощения!

Дальнейшая судьба птенчика была решена.

Гнездо ему заменила коробка из-под торта. Пришлось, под тещино оханье, распороть старую подушку, чтобы куриным пером выстлать дно коробки. Сверху птенца накрыли тряпочками — хоть в хате было не так уж и холодно, он почему-то никак не мог высохнуть. Перед ним поставили игрушечную тарелочку с мухами, но птенец их будто и не замечал. Катю это даже обрадовало. Дочка добилась, что только она будет трясти перед птенчиком своими ручками-крылышками, и ей очень нравилось чувствовать ответственность за черненький живой комочек, который легко велся на ее обман, каждый раз широко раскрывая клювик. Дочка ожила, расшевелилась, стала чаще улыбаться.

Солнце не показывалось уже который день — словно его кто проклял. Они переловили почти всех мух в хате и начали подкармливать птенчика размоченным батоном.

Как-то вечером, ложась спать, Катя спросила:

— Почему он все мокрый и мокрый?

Он промолчал, а жена сказала:

— Не знаю. Завтра попробуем посушить его феном.

Однако ночью птенец умер. Это обнаружилось утром. Катя еще спала. Казалось, он тоже спит, но его маленькая головка откинулась набок, шея неожиданно сделалась очень длинной.

— О, Боже, — сказал он, когда они, крадучись, чтобы не разбудить дочку, вышли из спальни на кухню.

— Что будем делать? — спросила жена.

Он пожал плечами:

— Надо как-то подготовить ее.

— Ты хочешь сказать ей правду? А знаешь, каким это может быть для нее ударом — после того, что она пережила?!

— Тогда что ей говорить?

— Я не знаю... Ну, скажем, что птенчик улетел.

— Слушай, она уже не такая наивная.

— Ну тогда, что мы боялись, как бы он не умер, и подбросили его в чужое гнездо.

— И загодя ничего ей не сказали? И не взяли ее с собой?

Жена начинала нервничать. Словно он перечил нарочно, лишь бы назло.

— Ну, придумай сам что-нибудь! — раздраженно бросила она.

— По-моему, мы должны сказать правду.

— Что?

— Будет лучше, если мы скажем ей правду.

— Лучше? Будет лучше, если она снова замкнется в себе, если снова станет целыми днями молчать? Вот тебе и послушали докторов, привезли дочку в деревню! Лучше бы она в городе сидела.

— Ну, зачем ты так...

Он старался говорить мягко, опасаясь ссоры, он даже улыбался, но как раз этого и не следовало делать.

— Тебе смешно! И ты всегда спокоен! Конечно! Ты ж думаешь только о себе: лишь бы она на тебя не обиделась, лишь бы...

— Перестань.

— Что — перестань? Ты же видишь ее только по выходным.

— У меня работа.

— Конечно, у тебя работа. А на мне дочка. Ты придешь, посюсюкаешь с ней — и ты хороший, самый любимый. Это можно? Можно. А это можно? Можно. Все можно. Хочешь с чужими людьми на речку? Пожалуйста. Езжай, дочушка! Зачем ты пустил ее? Почему ж ты сам с ней не поехал?!

Он почувствовал, как внутри опять все сжалось, вот-вот готовое пружиной вырваться из него. Оно должно было в конце концов вырваться — теперь он это понимал как никогда. Беда не сблизила, она, словно рентгеном, просветила их души — казалось, по-прежнему далекие и не до конца понятные друг другу. На что он надеялся? Чего хотел от деревенской девчонки младше его на десять лет? Роль режиссерской жены, поначалу заманчивая, оказалась для нее излишне сложной, чужой и, наконец, не такой завидной, как ей когда-то чудилось. Но разве он виноват, что в том мире, куда он торжественно ввел ее, мире, для многих загадочном и недостижимом, ибо в нем жили актеры, артисты, художники, — разве он виноват, что в том мире были не только праздники, но и серые будни, много серых будней, с нудным однообразием, одиночеством и вечной нехваткой денег?

Внезапно дверь открылась, и на кухню босиком, в длинной, до самых пят, цветастой ночной рубашке осторожно вошла дочка. На ее раскрытой ладонке, прижатой к груди, лежал птенчик с откинутаю набок головкой.

— Он умер, — тихо сообщила дочка.

В оконное стекло билась уцелевшая муха — ее монотонное гудение заполнило тишину кухни.

— Его надо похоронить, — сказала дочка, и в этот момент она показалась им совсем взрослой, а они, по сравнению с ней, почувствовали себя наивными растерянными детьми.

— Мы обязательно похороним его, — это сказала, кажется, жена.

Утром, к счастью, дождя не было, и часов в десять они, захватив лопату, пошли в огород. Теща полола грядки, заметила их, выпрямилась, но ничего не сказала: может, потому, что до них было далековато, а может, и так обо всем догадалась. Дочка сама выбрала на меже место для могилки, но копать доверила отцу. Она держалась на удивление спокойно и тогда, когда опускала птенчика в ямку, высланную перьями из коробки, хоть глаза ее были полны грусти.

— Хочешь, мы купим тебе попугайчика? — спросила жена.

— Нет, — чуть слышно ответила дочка.

— Почему?

— Если мы куда-нибудь поедем, он останется один и может тоже умереть.

Наконец назавтра стало распоживаться. К обеду небо на западе прояснилось, словно кто-то невидимый за лесом помалу тянул на себя серую дерюгу туч, она рвалась, и в эти дырки сразу просачивались солнечные лучи.

Теща привела за руку соседского мальчика.

— Как так, то все спрашивал, когда Катя приедет, а теперь стесняется идти?

Мальчика звали Антон. Ему было пять лет — на год меньше, чем дочери. Они познакомились год назад, но как раз перед Катиним отъездом в Минск.

— Пошли покажу, где мы похоронили нашего птенчика, — предложила дочка.

Антон ничего не ответил, просто послушно поковылял за ней.

Андрей достал сигарету. И пока не докурил, стоял на дворе и глядел в сторону межи. Дети сидели на корточках у могилы птенчика. Катя увлеченно, но с очень серьезным видом все о чем-то рассказывала, то разводя руками, то поднимая их вверх. Антон слушал молча, положив руки на колени. Он сразу, в первый же день их знакомства, признал в ней лидера и готов был делать все, что она пожелает.

Окурок упал в лужу, и яркое солнце в ней на мгновение разбежалось стайкой потревоженных золотых водомеров.

Боже, как давно он его не видел...

Перевод Андрея Тявловского.